

П.Н.Панченко, доктор юридических наук,
профессор, заслуженный юрист РФ,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Нижегородского филиала
Государственного университета – Высшей школы экономики

НЕГОСУДАРСТВЕННОЕ ВЫСШЕЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ЗАЯВКА НА СУЩЕСТВОВАНИЕ

Аннотация

В статье рассматриваются стартовые позиции негосударственного высшего юридического образования, показываются трудности и некоторые благоприятствующие факторы его становления, анализируются аргументы «за» и «против» его дальнейшего стремительного развития, раскрывается значение данного образования для подготовки юридических кадров и повышения уровня правовой компетентности общества, для проведения научных исследований в области проблем правового государства, гражданского общества, правопорядка и дальнейшего утверждения страны на пути цивилизованного ее развития.

Ключевые слова: правовое государство, гражданское общество, негосударственное высшее юридическое образование, факторы становления, аргументы «за» и «против», юридические кадры, правовая компетентность общества, научные исследования, правопорядок, цивилизованное развитие страны.

Негосударственное высшее юридическое образование появилось у нас в стране путем как бы «отпочкования» от государственного высшего юридического образования. Вначале это были своеобразные «побеги» от факультетов платных образовательных услуг, которые середине 90-х годов прошлого века в связи с реформами образовались практически во всех государственных вузах, а затем уже стали создаваться и негосударственные вузы в их, так сказать, чистом виде. Наряду с экономистами, управленцами, предпринимателями, психологами и другими гуманитариями (а иногда и с «технарями»), они готовили и юристов. Создавались и негосударственные вузы исключительно юридического профиля – как, например, Нижегородская правовая академия.

Вначале негосударственное высшее юридическое образование вызывало к себе скептическое отношение – особенно со стороны разного рода руководителей системы государственного высшего юридического образования. Но ко-

гда оно стало все увереннее обзаводиться собственными помещениями, учебными корпусами, территориями, компьютерной техникой, другим учебным оборудованием, скептицизм существенно поубавился. Ведь чего греха таить, даже в некоторых из так называемых «продвинутых» государственных вузов, готовящих юристов, в том числе вузов, получивших в 2009 году статус Национальных государственных университетов, нет по-настоящему добротного оборудованных кабинетов криминалистики. Преподаватели даже некоторых из таких вузов лишены подчас возможности нормально читать лекции, поскольку в аудиториях нет кафедр, нет звукоусиливающей аппаратуры, нет современных «досок», на которых можно было бы в динамике изображать суть тех или иных положений. Иногда необходимую технику преподавателю приходится возить с собой в багажнике автомобиля.

Что же касается негосударственного высшего юридического образования, то к настоящему времени оно все же обрело свое лицо. По крайней мере, его конкурентные позиции на рынке образовательных услуг сегодня весьма высоки. Как можно предположить, пройдет сравнительно немного времени (может быть, пятнадцать или двадцать лет) и здания негосударственных юридических вузов станут, может быть, даже достопримечательностями тех городов, в которых они расположены. Они будут поражать всех своим архитектурным великолепием – колоннадами, греческими портиками, фронтонами с латинскими изречениями типа «Закон строг, но таков закон», «Тот поступает мудро, кто следует велениям закона», «Право есть искусство добра и справедливости» и т.п.

Но это произойдет только в том случае, если государство, наконец-то, повернется лицом к негосударственному высшему юридическому образованию, то есть окажет ему посильную поддержку и помощь. Пока же оно, похоже, продолжает испытывать последнее «на прочность». Используя ресурс бюджетного финансирования, государственное высшее юридическое образование пытается сбросить негосударственное высшее юридическое образование

с «перевала», чтобы снова безраздельно завладеть образовательным пространством, то есть, попросту говоря, опять монополизировать его.

Какие аргументы приводятся в обоснование распространенного в средствах массовой информации вывода о том, что негосударственное высшее юридическое образование надо «ограничивать», «сокращать» и даже в какой-то его части «постепенно сворачивать»? И что можно этим аргументам противопоставить?

Аргумент первый: «юристов у нас уже и так много», «их уже просто некогда девать», «уже чуть ли не каждая домохозяйка – дипломированный юрист».

Но ведь профессия юриста – это особая профессия. Дипломированный юрист может работать не только юристом на предприятии, не только преподавателем, следователем, сотрудником учреждений уголовно-исполнительной системы или иным работником правоохранительных органов. Он может также работать таможенником, налоговиком, наркоборцем, да и вообще любым управленцем, начиная от клерка коммерческой организации и кончая президентом страны. Нельзя забывать, что, например, В.В.Путин и Д.А.Медведев – юристы. Правда, юристом был и бывший президент бывшего СССР, но он, находясь на этом высоком государственном посту, так и не смог до конца полно и правильно распорядиться теми правовыми знаниями, которые были даны ему государством на юридическом факультете МГУ. Счет все же, как видим («два – один») сложился в пользу юридического образования – для людей, занимающих высшую должность в государстве.

Основой профессии юриста, впрочем, как и любой другой гуманитарной профессии, является человековедение. А человековедение – это как раз то, что прокладывает путь от человека к человеку и помогает, следовательно, объединению людей, и всем им вместе творить, образно говоря, чудеса. Особенно юристы нужны правовому государству. Известно, что в США на четырех американцев приходится по одному юристу. Там даже есть так называемые до-

машние юристы, которые всегда придут человеку на помощь, если он в ней нуждается. В результате получается, что в США люди идут к юристу за справедливостью как в магазин за колбасой, селедкой и хлебом. Проблемы доступности правосудия там не возникает. Все судятся со всеми, а особенно с корпорациями и государственными учреждениями, которые наиболее оказываются склонными посягать на права человека. И, в конце концов, добиваются правды, что выгодно и для человека, и для общества, и особенно для самого государства, поскольку именно оно является главным гарантом прав человека.

Наше же государство почему-то рассматривает увеличение в стране численности юристов как «мину замедленного действия» – мол, уже сейчас бюджет страны «трещит по швам» из-за обращения граждан в суды по поводу ущемления их прав, а что будет дальше? Поток обращений только в Страсбург с каждым годом увеличивается. Взять только одну статью расходов государства такого рода – незаконные действия сотрудников милиции в отношении граждан. И здесь – не только рукоприкладство, но и убийства. К сожалению, евсюковых у нас не единицы, и даже не десятки, а сотни. Майор Евсюков – лишь наиболее полное и завершённое выражение того явления, которое постигло нас в первом десятилетии нового века. Положить этому конец может только мало-мальски большая численность юридически образованных людей, способная помочь государству обрести новое качество, то есть качество его подлинно правового состояния.

Это – не говоря уже о том, что человек, приверженный правовым знаниям и в силу этого обладающий определенным правовым чувством, не только сам избегает конфликтов с законом, но и всегда будет помогать в этом другим. Точно так же, как не было бы никаких оснований для тревог, если бы все сейчас вдруг кинулись учиться за собственный счет хорошим манерам, ораторскому искусству, играть на флейте, петь, плясать, отбивать чечетку, писать стихи, разговаривать, наконец, на иностранных языках, так не следует тревожиться и по поводу того, что сегодня многие устремились к правовым знаниям. К тому же люди, может быть, интуитивно чувствуют, чего им сегодня

больше всего не хватает. Они, может быть, на уровне подсознания понимают, что правовые знания помогут им *реально* обрести те права, которыми они наделены Конституцией РФ, законами и иными нормативными правовыми актами. Опасаться надо не «перебора» с правовым образованием, а совершенно иного, а именно его «недобора», чем обычно обусловлен правовой нигилизм, являющийся, как известно, главным врагом правопорядка и законности.

Аргумент второй: «неудовлетворительное качество подготовки юристов», «таких юристов нельзя вообще допускать к какой-либо юридической профессии», «они могут принести только вред». Думается, что работодатель сегодня уже настолько грамотен, что сам разберется в том, кого ему брать на работу, а кого не брать. В конце концов, есть ведь еще и такие понятия, как «испытательный срок», «стажер», «общественный сотрудник» и т.д.

И еще один далеко, как представляется, немаловажный момент. Что государству мешает дифференцировать достоинство выдаваемых дипломов? Например, выдавая «круглым» отличникам «красные» дипломы, остальным можно было бы выдавать не только «синие», но и дипломы других цветом – допустим, «коричневые» дипломы можно было бы выдавать «хорошистам» с преобладанием отличных оценок над хорошими, «зеленые» – «хорошистам» с преобладанием хороших оценок над отличными, «синие» – тем, у кого четверок больше, чем троек, «черные» – остальным выпускникам.

Аргумент третий: «у негосударственных вузов нет собственных достаточно квалифицированных преподавательских кадров, в результате чего они пользуются соответствующими кадрами государственных вузов».

Но, во-первых, как говорят в Китае, неважно какого цвета кошка – лишь бы она мышей ловила, а во-вторых, разве артист театра «растренировывается», если, скажем, откликается на предложения поработать в кино? Если артист – настоящий артист, он – везде артист, в том числе, как говорится, и в Африке. То есть если речь идет о преподавателях – то и на «инновационных площадках» (в лекционных залах и аудиториях) негосударственных вузов он может

удержать требуемую «тональность» своего профессионального мастерства. Следовательно, неважно, какой преподаватель – «свой» или «купленный», а важно то, как он делает свою работу. Если он делает свою работу хорошо, то – все в порядке, а если халтурит, то, как и любого другого халтурщика, его надо гнать с работы. Другое дело, что вуз, принимающий на работу совместителя, должен интересоваться, где тот еще работает. И если объем работы, который пытается взвалить на себя преподаватель, для него фактически «неподъемный», то ему надо давать «от ворот поворот».

Надо практиковать аттестацию (сертификацию, аккредитацию и т.п.) преподавателей. Но не в принудительном порядке, а по желанию самого преподавателя. Хочет преподаватель получать больше денег за свою работу – пусть доложит ученому совету вуза о том, как он работает. И сразу станет ясным, можно ли повышать ему зарплату или пока еще рано это делать. По итогам таких докладов можно было бы присваивать преподавателям, даже не имеющим необходимой в соответствующем случае ученой степени, но имеющим достаточно большой преподавательский стаж, практический опыт, научные публикации и (или) другие заслуги, *академическое* звание (именно академическое, а не ученое) типа «приват-доцента» («приват-профессора»), то есть соответственно звание (повторяем, академическое, а не ученое звание) доцента или профессора именно *данного* вуза (а не соответствующее ученое звание *федерального* значения). Отсюда – и основание для повышения зарплаты.

Аргумент четвертый: «преподаватели негосударственных вузов часто ставят оценки студентам не за знания, а за саму явку – причем, за явку не на лекции и занятия, а непосредственно на экзамены и зачеты».

Но здесь есть и контраргументы – состоящие, в частности, в том, что экзамены и зачеты принимаются у студентов *в присутствии* других студентов, то есть гласно. Другое дело, что есть проблема низкой посещаемости студентами лекций и занятий. Но тут надо ужесточать контроль. Каждое отсутствие на лекции или занятии необходимо отслеживать и в необходимых случаях

предлагать студентам дополнительные лекции и занятия. Должна «работать» и перспектива «недопуска» студента к зачету или экзамену. Если у студента были уважительные причины неявок на лекции и занятия, можно позволить ему «отработать» пропуски предоставлением письменных работ (которые он должны готовить по специальным заданиям).

Аргумент пятый: «число выпускаемых негосударственными вузами юристов уже превышает число людей, действительно способных к получению какого-либо высшего образования вообще».

Но кто подсчитывал соотношение людей «способных...» и «не способных...»? И по каким критериям мы можем делить людей на тех и других? На самом деле, люди, которых мы «записываем» в ту или иную категорию, часто оказываются лучше, чем мы о них думаем. Лично нам за сорокалетнюю преподавательскую практику практически не приходилось встречаться с теми, которых можно было бы отнести к «неучам» – если, конечно, речь не шла о ленивцах, алкоголиках, наркоманах, токсикоманах или лицах с теми или иными психическими отклонениями. Все прошли одну и ту же эволюцию, и если между нами и есть разница, то она не столь значительна, чтобы возводить ее в какой-то «принцип», в ранг официальной образовательной политики, то есть делать из нее какие-то выводы с далеко идущими последствиями. Полагаю, что здесь нет необходимости ссылаться на уже имевшие в истории попытки деления людей по признаку интеллектуальных способностей – например, на «истинных арийцев» и «неарийцев».

Аргумент шестой: «все негосударственное высшее юридическое образование погрязло в коррупции и уже по одной этой причине данный «гнильник» надо прихлопнуть».

Да, действительно – пока еще никто в негосударственных юридических вузах (как и в негосударственных экономических, управленческих и других вузах, имеющие в своем составе факультеты, отделения или кафедры, готовящие юристов) «не отменял» ни телефонные звонки, ни пакеты, ни конверты,

ни другие подобные «знаки внимания» к преподавателям со стороны студентов. Но это зло не является порождением именно негосударственного высшего юридического образования – оно пришло сюда из государственных юридических вузов. И там, и там государство пытается выжигать это зло «каленным железом» уголовного закона, но пока... не получается. Поэтому самим вузам надо предпринимать какие-то антикоррупционные меры.

Что тут можно предложить? Я бы предложил периодически проводить анонимные анкетные опросы студенты – относительно взяточничества в вузах, в которых они учатся. Правда, тут есть опасность того, что студенты могут использовать эти опросы для сведения счетов с преподавателями, проявляющими к ним высокую требовательность. Если есть случаи даже убийств профессоров за выставленную ими неудовлетворительную оценку (в том числе, как известно, и в нашем городе), то что же, спрашивается, может остановить таких студентов от того, чтобы не сделать по-настоящему требовательному преподавателю ту или иную «пакость».

Один мой весьма уважаемый коллега (весьма требовательный профессор) жаловался, что как-то он, зайдя в учебный отдел одного из нижегородских негосударственных юридических вузов (где он совмещал работу на 0,5 ставки), увидел на одном из столов записку следующего содержания (один сотрудник отдела пишет другому): «Если этот деятель (названа фамилия профессора) поставит еще хотя бы одному нашему студенту двойку, гоните его в шею...». Коллега не стал дожидаться, когда его выгонят и сам написал заявление на увольнение. И это пишет не студент, а сотрудник, вузовский работник. Чего же можно ожидать от обиженного студента?

Тут надо внимательно вчитываться в то, что пишут студенты, вникать в то, о чем идет речь (о каких-то конкретных фактах или поношениях общего характера), обсуждать записки со студентами, искать и находить истину. Иначе с этими анонимными анкетами можно жестоко просчитаться.

Таким образом, перед негосударственным высшим юридическим образованием стоит задача добиться государственного признания, заработать у него соответствующие «очки», доказать ему, что без негосударственного высшего юридического образования государству не только никогда не стать правовым, но и просто не выжить. Полагаясь в образовательном деле только на самого себя, оно в лучшем случае так и будет продолжать «топтаться» в переходном периоде – в том время, как весь остальной мир уйдет далеко вперед.

Что касается *общественного* признания, то негосударственное высшее юридическое образование давно его уже получило – люди тянутся к нему, и чем дальше, тем больше. Собственно, негосударственное высшее юридическое образование есть порождение не столько соответствующего государственного образования, сколько самого общества. Сегодня оно стало уже неотъемлемой составной частью, его огромным интеллектуальным потенциалом, своеобразным фактором «самообразования». Если когда-то в советское время коммунисты носились с идеей правового всеобуча (так до конца и не реализованной), то сегодня гражданское общество, не дожидаясь «команды сверху», само учреждает необходимые ему вузы и тем самым само же себя и обучает – обучает себя тем знаниям, которые считает для себя крайне необходимыми, в том числе знаниям юридическим.

Что сегодня надо делать негосударственному юридическому образованию для того, чтобы, наконец-то, добиться столь желанного для него государственного признания, а именно такого признания, после которого государство не только не будет и дальше «прессовать» негосударственные юридические вузы, но и окажет им в условиях все еще продолжающегося финансового кризиса довольно ощутимую поддержку и помощь, в том числе материальную? С пониманием того, что это в любом случае обойдется ему гораздо дешевле, чем продолжать держать на собственном балансе огромное вузовское «хозяйство».

Предлагаемый мною перечень соответствующих первоочередных мероприятий состоит из следующих шести пунктов.

Первое. Негосударственное юридическое образование должно решительно двинуть вперед науку. И не только по линии проведения научных конференций и издания сборников трудов. Нужны выработанные на строго научной основе предложения городу, области и федеральному центру относительно того, что сегодня надо сделать для того, чтобы законы у нас действительно «работали».

Например, негосударственные юридические вузы могли бы, порознь и кооперируясь между собой, опираясь на свой научный потенциал и творческие возможности студентов, помочь мэру, губернатору и президенту разобраться, в частности, в следующих вопросах:

- нужен ли нам так называемый «комендантский час» для несовершеннолетних, вводимый кое-где в регионах?

- надо ли разрешать торговать разного рода «ароматическими курительными смесями», от которых буквально гибнут люди?

- что делать с «бомжами», число которых приобрело в стране угрожающие масштабы?

- что делать с теми людьми, которые, не желая работать, ищут (и часто находят) противоправные средства к существованию?

- что делать с теми людьми, которые роются в мусорных ящиках у подъездов жилых домов и тем самым наглядно демонстрируют наше общее крайне неудовлетворительное состояние?

- что делать с торговлей некачественными продовольственными и другими товарами, оказываемыми населению некачественными услугами?

- как бороться с контрафактом, в числе с поддельными лекарствами в наших аптеках?

- где кончается законный бизнес и где начинается бизнес криминальный?

- чем можно помочь законному бизнесу и как противодействовать бизнесу криминальному?

- каковы и в каких сферах жизнедеятельности сегодня особо нужны различные формы общественного контроля?

Перечень вопросов, которые могли бы решаться с участием научного потенциала наших негосударственных юридических вузов мог бы быть продолжен. Но уже то, что находится, так сказать, на поверхности, что бросается в глаза и буквально «кричит», заслуживает безусловного исследовательского внимания.

Второе. Надо в учебном процессе ставить перед студентами-юристами вполне конкретные практические задачи, в том числе, например, такие – пусть они:

- предъявят какой-либо иск в суде – в порядке защиты собственных интересов или интересов других лиц (например, кто-то приобрел строящуюся квартиру, но был обманут – вместо обещанного комфорта с сантехникой и обоями получил одну «голую коробку»);

- добьются возбуждения уголовного дела в случае, если кого обворовали, ограбили, избили, «обхулиганили» и т.д.;

- защитят от напастей (правовых проблем) какую-то старушку, помогут ей защитить какие-то ее законные права;

- сделают еще что-либо полезное в правовом смысле.

А иначе как же становиться настоящими юристами? Без этого будут продолжаться упреки по адресу негосударственного юридического образования и, в конце концов, оно действительно может оказаться «свернутым», причем настолько, что от него по существу ничего не останется.

Третье. Руководителям негосударственных юридических вузов необходимо стремиться к тому, чтобы выпускники этих вузов настойчиво пробивались в различные сферы жизнедеятельности, нуждающиеся в хороших юридических кадрах, а именно в юридические службы и службы безопасности предприятий, в бизнес, в государственные и муниципальные структуры, в право-

охранительные органы. Должны, может быть, предприниматься и попытки баллотироваться в представительные органы различных уровней. Буквально с первых курсов студентам надо прививать это стремление – тогда и обучение будет более осмысленным, и, следовательно, больше будет шансов действительно осуществить свои самые дерзновенные профессиональные намерения. Важно при этом помнить, что юристов действительно сегодня в стране много, но по-настоящему *хороших* юристов – совсем мало. Например, если мы попытаемся назвать наших лучших адвокатов, то, кроме Падвы, Резника, Кучерены и Астахова, едва ли еще кого вспомним.

Надо отслеживать реальное положение дел у выпускников, постоянно поддерживать с ними связь, оказывать им при необходимости помощь в трудоустройстве, анализировать имеющиеся в этом вопросе затруднения.

Четвертое. Как известно, сила любого вуза определяется, в конечном счете, не только помпезностью и размахом учебных корпусов, не только технической их «начинкой» и, конечно же, не только учеными степенями и званиями преподавателей, но еще и студентами. Надо делать все для того, чтобы, прежде всего, студенты создавали престиж своим вузам – и не только их учебной активностью, участием в олимпиадах, научных конференциях, сборниках студенческих научных работ, но еще и их *общественной* активностью. Студенты-юристы могут под руководством преподавателей создавать формирования по содействию правоохранительным органам в поддержании правопорядка, организовать различные центры (советы, ассоциации и т.п.) общественного контроля – например, для контроля сферы торговли и оказания услуг населению.

Надо создавать в негосударственных юридических вузах (и в других негосударственных вузах, которые готовят юристов) студенческие правовые бюро – для оказания бесплатной юридической помощи населению. Если где-то испытываются в этом смысле затруднения, то они могут быть разрешены в

рамках общения со студенческим правовым бюро, созданным в Нижегородском филиале Государственного университета – Высшей школы экономики.

Именно благодаря активности студентов негосударственные юридические вузы могли бы, наряду со своей образовательной миссией, стать в своих регионах крупными очагами спорта, культуры и правового воспитания учащихся школ, лицеев, гимназий, училищ, техникумов, колледжей и других учебных заведений. Студенты этих вузов могли бы выступать с лекциями и концертами (в том числе с лекциями-концертами) перед трудовыми коллективами, брать шефство над осужденными, в том числе теми, кто отбывает наказание в местах лишения свободы. В летнее время студенты-юристы негосударственной образовательной сферы могли бы формировать студенческие трудовые отряды, направляемые в места, где требуются рабочие руки. Это могли бы быть, например, строительные, транспортные, путинные, сельскохозяйственные, другие подобные отряды. Заодно решалась бы и проблема оплаты за обучение.

Пятое. Негосударственные юридические вузы, а также экономические, управленческие и другие негосударственные вузы, готовящие на своих специализированных (юридических) факультетах, отделениях и кафедрах кадры юристов, могут инициировать проведение в средствах массовой информации различные дискуссии, в том числе по вопросам о том, какое юридическое образование необходимо сегодня гражданам, обществу и государству. В преддверии дискуссий важно с использованием студентов проводить соответствующие социологические исследования – например, по вопросам о том, как часто граждане и организации сталкиваются с правовыми проблемами, как им удается их решать, как часто для этого граждане обращаются к услугам юристам, если не обращаются, то – почему, нужны ли гражданину правовые знания, чтобы гражданин предпринял, если был бы, скажем, милиционером, мэром, губернатором, президентом.

Шестое. Негосударственные юридические вузы, а также негосударственные экономические, управленческие и другие вузы, имеющие в своем составе факультеты, отделения или кафедры, готовящие юридические кадры, могут создавать для решения своих насущных задач свою ассоциацию – ассоциацию негосударственного юридического образования. Такая ассоциация с ее региональными отделениями может создаваться на базе ведущих негосударственных юридических вузов (соответственно в столице и в регионах). Важный результат ассоциирования негосударственного юридического образования видится, например, в совместном издании учебной литературы, проведении научных конференций, осуществлении актуальных научных проектов, в том числе по тематике госзаказов.

Это, конечно, далеко неполный перечень мероприятий, осуществление которых является сегодня настоятельной необходимостью – в плане получения негосударственными юридическими вузами должного государственного признания. Но, оттолкнувшись от него, можно, как представляется, двигаться в поисках нужных решений дальше.

Сведения об авторе:

Панченко Павел Николаевич,
зав. кафедрой уголовного права и уголовного процесса
Национального исследовательского
университета – Высшей школы экономики (г. Нижний Новгород),
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный юрист Российской Федерации, академик РАЕН, член РАЮН,
руководитель Секции по уголовно-правовым вопросам
Научно-консультативного совета при Нижегородском областном суде.

Рабочий адрес: 603155, г. Нижний Новгород, 155, ул. Большая Печерская, 25/12, Нижегородский филиал Государственного университета – Высшая школа экономики, Факультет права, Кафедра уголовного права и уголовного процесса, кабинет 110.

Рабочий телефон: 8-(831-4)-16-95-35.

Электронный адрес: panvest@mail.ru

Домашний адрес (для корреспонденции): 603132, г. Нижний Новгород, 132, а/я 293.

Домашний адрес как таковой: 603132, г. Нижний Новгород, 132, ул. Даргомыжского, дом 19, корпус 5, квартира 67.

Домашний телефон: 8-(831-2)-58-81-29.

Моб. тел. 8-831-108-0-171.